

Золотой фонд политической мысли

ВЕЛИЧАЙШИЕ РЕЧИ РУССКОЙ ИСТОРИИ

ОТ ПЕТРА ПЕРВОГО
ДО ВЛАДИМИРА ПУТИНА

А. Ю. Клименко
Величайшие речи русской истории. От
Петра Первого до Владимира Путина
Серия «Золотой фонд политической мысли»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7351186

Величайшие речи русской истории : от Петра Первого до Владимира Путина: Алгоритм; Москва;

2014

ISBN 978-5-4438-0758-4

Аннотация

В этом сборнике, который должен стать настольной книгой каждого русского патриота, представлены лучшие речи государственных деятелей России XIX–XX вв. Они вызвали искренний интерес и живую реакцию современников, порой круто меняя политическую и культурную атмосферу в стране и в мире.

Они звучали в поистине переломные моменты: накануне отмены крепостного права, на судебных процессах против народников, во время Первой русской революции и сразу после поражения России в Первой мировой войне. Их произносили выдающиеся политические деятели и блестящие ораторы: Столыпин, Керенский, Миллюков, Сталин, Путин. Эти речи точно передают уровень напряжения в обществе, степень «брожения умов» во время политических кризисов.

Современные политики, читая эти тексты, могли бы многое узнать и многому научиться. Но книга адресована не только им. Узнать о том, как ярко, образно и доходчиво выражать свои мысли, будет полезно политологам, журналистам, специалистам по пиару и всем людям «публичных профессий».

Содержание

Екатерина Великая	4
Георгий (Конисский), Архиепископ Могилева	16
Александр I	17
Николай I	20
В. А. Кокорев	22
Александр II	26
С. И. Бардина	27
И. Н. Мышкин	30
Петр Алексеев	43
П. А. Александров	46
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Величайшие речи русской истории: от Петра Первого до Владимира Путина

Екатерина Великая Речь о старообрядчестве, сказанная на общей конференции синода и сената

15 сентября 1763 года

Преосвященные архипастыри и гг. сенаторы!

В русской империи, Промыслом нашему управлению вверенной, издавна продолжается раздор и раскол между архипастырями и народом. Я, насколько могла, старалась понять суть раздора и, надеюсь, поняла удовлетворительно. Эта суть знакома их преосвященствам, а вам, гг. сенаторы, мы постараемся ее объяснить. Не сейчас и не вчера, а как только я, по внушению неба, почувствовала себя родною великому русскому народу и его скорби, и его радости, до глубины души огорчилась раздором между архипастырями и народом и положила на своем сердце – истощить все средства ко уврачеванию этой язвы, разъедающей государственный организм. Каждого из архипастырей – и ученых, и духовных – расспрашивала я: из-за чего именно и как явилась и продолжается толико упорная с обеих сторон вражда, расспрашивала каждого и здесь присутствующих архипастырей. От всех их я выслушала следующее: «Русская церковь от недостаточного общения с восточными патриархами в продолжение нескольких веков утратила правильность и чистоту своей обрядности; о падении нашем не сами мы, русские, догадались, а надумали нас греческие и киевские отцы, примерно с 1649 года начавшие наезжать на Москву. Первая из погрешностей, на которую они указывали с наибольшим рвением со многими «зазираниями и осуждениями», было сложение двух перстов для крестного знамения. Знакомся далее с нашими якобы падениями, греческие и киевские отцы нашли еще несколько обрядовых разностей. Прибавление слова «истинного» к слову «Господа» в символе веры, произношения «Исус» вместо «Иисус», двойное аллилуйя вместо троения, хождение по солнцу вместо хождения против солнца, употребление на проскомидии семи просфор вместо пяти, печатание просфор круглою печатью вместо квадратной, именование в одной из молитвенных пресловий Сыном Божиим, а не Богом».

Гг. сенаторы! Вы сейчас встречаете великую скорбь, якобы к небу вопиющая преступности нашей церкви против восточных патриархов были причиною раскола. Что до нас, то нам припомнилось путешествие Гулливера, попавшегося после крушения его корабля в одну страну, так называемую «лилипуты», в которой существуют люди величиною в 3 или 4 вершка. «Народ этой страны, – рассказывает Гулливер, – уже целые века подвергается страшному истязанию и смертельным казням за то, что он ослушивается определения верховной власти, чтобы разбить яйцо непременно с острого конца; если же кто разобьет с тупого конца, тот беспощадно попадет на кол или костер».

Итак, все эти зазирания и осуждения греческими и киевскими отцами нашей отечественной обрядности, гг. сенаторы, и затем внутренние запреты и проклятия, истязания и казни не похожи ли на лилипутские споры и междоусобия из-за того, с которого конца разбивать яйцо, и не суть ли они внушения суетности, тщеславия и склонности греческих и киевских отцов учить и драть за ухо нашу отечественную церковь, а при этом обирать наших царей и народ, дескать, за науку, за якобы спасительную для нас проповедь, словом – показать нам свое пред нами якобы превосходство и нашу в них якобы необходимость. По моему,

господа сенаторы, государю Алексею Михайловичу следовало бы всех этих греческих отцов выгнать из Москвы и навсегда запретить въезд в Россию, чтобы они не имели возможности затевать у нас смуты, а киевских отцов просто рассылать по крепостям и монастырям на смирение. До сих пор, господа сенаторы, все это, признаюсь, сначала возбуждало во мне веселость. Но никак не допуская, чтобы человечество, нет – не только человечество, а христианство, и сие в высших нарочитых его носителях и представителях, могло дозволить себе унизиться до таких безрассудных размеров, мы потребовали подлинные деяния собора 1667 года, и нам показали его соборный акт от 13 мая, коим, как нам объяснили, этот собор увенчал все прежние с 1649 года начавшиеся зазириания, осуждения, запреты и проклятия поименованных обрядностей. Прочитывая этот злополучный акт, мы натолкнулись на новую характерность, про которую отцы нам не говорили. Вы уже знаете, что отцы с проклятиями, запретами произносят Сыне Божий на так называемой молитве ко Иисусу. Надеюсь, вы поняли бессмысленность и преступность клятвы. Но это не все, а вот что мы еще вычитали в этом акте. Отцы с проклятиями запретили говорить «Сыне Божий» только на соборе, т. е. на церковных, общественных священнослужениях, а во всех остальных случаях предоставили свободе каждого говорить: и «Боже наш», и «Сыне Божий». Стало быть, во всех этих остальных случаях и «Сыне Божий» здесь в этой молитве находили Богу угодным и спасительным. Что же это такое? Признаюсь, господа, этот момент и этот акт, и этот май, и это 13 число, и эти отцы в представлении моем приняли образ чудовища, зверя, адом, изрыгнутым на посрамление веры христианской, на посрамление человечества!

Затем, гг. сенаторы, допрашивали мы преосвященных архипастырей. Во всех осужденных 13 мая обрядовых действиях и чтениях есть ли какая противность или вере христианской, или канонам церкви, или интересам государства? От всех мы получили полное отрицание. Зачем же, допрашивала я отцов, зачем вы за эти клятвенные запреты стоите так упорно и азартно, что, например, 15 мая 1722 года определили лишить церкви и таинств каждого из православных за то только, что он крестится двумя перстами? Вот, отвечают, что это делают они по должному послушанию великому и святому собору 1667 года, положившему клятвенные запрещения на двуперстие и крестящихся двуперстно с таким подтверждением, что скорее весь чин природы разрушится, а клятвы эти пребудут неразрешены во веки веков, аминь!

Да, да, господа, я уже сказала, что читала этот злополучный акт и подтверждаю, что ссылка на него отцов безупречна. Но что же в этом, ежели и клятвы несправедливы и запреты безрассудны? Неправедная клятва не обращается ли на самих проклинателей? Все эти клятвенные запреты ничтожнее для нас комара: этот, по крайней мере, ужалить может, а безрассудные клятвы? Что это, как не перебранка между собой базарных торговцев, что это, как не лай собак на толпу проходящих! Да, гг. сенаторы, да, преосвященные отцы! Ежели есть в Церкви Божией праведная клятва, то по истине стоит ее акт 13 мая и составители его... Да, да, преосвященные отцы, в этом вашем акте мы вот еще что вычитали во удостоверение праведности и непреложности своих закланий, именно: «аще же кто и умрет во упрямстве своем, да будет и по смерти не прощен и не разрешен, и часть его и душа его с Иудею предателем и со Арием, и с прочими безбожниками и еретиками. Камение и древесина да разрушатся и растлятся, а той и по смерти пребудет не прощен и не разрешен, яко тимпан во веки веков, аминь!» Это, господа, значит, что тела умерших в непокорстве отцам 13 мая до Страшного Суда не предадутся разложению, что их, как говорится, не будет принимать земля. Это отцы обещают нам во имя Великого Бога. Так ли, преосвященные отцы, поняли мы ваш соборный акт 13 мая? (*Молчание*). Отчего же Бог не послушал и не слушает вас, отчего не видали мы ни одного такого знамения? Господа, слышали ли вы когда-нибудь, чтобы какого-нибудь старообрядца не приняла земля?

Преосвященные отцы! Давайте же нам такое знамение, покажите нам такие телеса или хотя одно такое тело покажите, или же откажитесь от своих клятв и запретов. Клятвы и запреты! – против чего? Против предметов не только безвинных, не только честных, богоугодных и спасительных, но даже более осмысленных и более продуманных, чем указано соборне. Телесные озлобления и смертельные казни, кнут, плети, резания языков, дыбы, виски, встряски, виселицы, топоры, костры, срубы – и все это против кого? Против людей, которые желают одного: остаться верными вере и обряду отцов! Преосвященные отцы! За что вам на них так звериться и сатаниться? Есть ли у вас, хотя искра, хотя призрак человеческого чувства, совести, смысла, страха Божия и страха людского? Святителей ли я вижу? Христиане ли предо мной зверятся и беснуются? Человеки или звери устремляются пред моими глазами на растерзание Христова стада и на колебание основ Провидением нам вверенной матери?!

На дальнейшие наши расспросы: в праве ли и не обязаны ли св. синод и архипастыри исправить ошибки своих предшественников, нам отвечали приблизительно следующее: Собор есть голос церкви, есть сама церковь, а церковь непогрешима. Узнает народ, что собор 1667 года погрешил, у него поколеблется вера в свою церковь.

Ясно, господа сенаторы, что преосвященные отцы указывают нам церковь не истинную, а ложную и лживую. Не ту Церковь, которая истинность своих соборов доказывает согласием их с учением Христа и апостолов, а ту, которая на слепой вере народа в собор мнит строить неправедность безрассудств, никому не позволяя сомневаться в достоинстве ее определений. Скажу яснее и прямее: не ту церковь, которая имеет право исправлять ошибки своих первосвятителей, а ту, в которой эти перво-святители не только не позволяют никому обличать их ошибки, но и принуждают веровать в эти ошибки, как во внушения Бога. Но ни престол, ни государство не могут быть крепки, стоя на лжи и обмане. Гг. сенаторы, преосвященные отцы! Я с помощью Бога на всяком их слове опровергала и стыдила. За всем тем, на все наши предложения исправить давнейшие погрешности, они в этом нам отказывали и отказывают. Вот, гг. правительствующий сенат, цель сегодняшней вашей конференции с св. синодом. Сегодня, при содействии вашем, мы надеемся сломить его упрямство, а вы, гг. сенаторы, будете свидетелями пред Отечеством, что меры, кои мы на случай дальнейшего упорства имеем принять, вынуждены у нас преосвященными отцами. К вам обращаюсь, св. синод, и вместе с сим возвращаюсь к вашему определению от 15 мая 1722 года. Спрашиваю: о мудрости ли, о просвещенности ли, о пастырности ли свидетельствует этот акт? Удивляюсь вашему ослеплению: народ валит в церковь и, конечно, со своим от отцов унаследованным двуперстием, а архипастыри будто как злодеев встречают его проклятиями и угрозами истязаний и казней. Кто же из вас раскольники, кто злодеи? Можем ли мы терпеть это пятно, эту нечисть, этот позор на нашей императорской порфире, на отечественной церкви, на ее иерархии и, наконец, на вас самих, преосвященные отцы? Хотя знаю, самая мысль расстаться с этой нечистотою приводит вас в ужас и негодование! Не трогаю ваших ни запретов, ни проклятий: пусть они последуют за вами и туда, где раздадут их по достоинству. Отвечайте, преосвященные отцы, согласны ли вы уступить русскому православному народу, уступить нам только любезное двуперстие? Согласны ли вы ваш акт от 15 мая открыто и явно заменить актом, ему противоположным?

– Самодержавная государыня, великая мать Отечества! – в один голос отвечают члены синода. – Святая церковь непогрешима, а собор – ее голос. Великий святой собор изрек клятвенное запрещение на двуперстие, это изрела сама церковь; веруем во Христа, веруем и в Его Церковь. Твоя власть, великая государыня, над нашей жизнью, но жизнь наша – Христос и Его Церковь, за Христа и Его Церковь мы умереть готовы. Искоренение двуперстия есть задача нашей жизни и нашего святительства. Делай, государыня, что тебе угодно, но без нас.

– Слышите, гг. сенаторы? – продолжает мудрая Екатерина. – Слышите, какую хулу возводят архипастыри на Христа и Его Церковь, какую грязью бросают они им прямо в лицо, называя Телом Христа и Его Церкви блевотины своего изуверства? Знаю, преосвященные отцы, что Церковь святая непогрешима, а соборы суть ее голос. Но не могут же быть святыми соборы разбойнические? Таков по содержанию и последствиям собор 1667 года. Не произношу суда над ним: суд над соборами принадлежит Церкви и ее соборам. И собор 1667 года пусть будет свят и непогрешим во всем остальном; но что касается до акта его от 13 мая, то это не что иное, как извержение невежества, гордости, злобы, насильства и изуверства. Гг. сенаторы! Сам св. синод, здесь, в присутствии вашем, признался, что его собственный акт от 15 мая 1722 года есть родное детище соборного акта 13 мая, есть точное отражение, отпечаток этого акта, а вы видели уже достоинство их обоих. Пусть для членов синода, пусть для всех архипастырей и российских и греческих собор тот будет и велик и свят. Но нам-то, императрице русского народа, какое дело до святости и великости собора, если постановления его безумны? И не будем ли мы отвечать перед историей и потомством, и куда скроемся мы от собственной нашей совести, если, противопоставив с одной стороны несправедливость и безумство соборных запретов и проклятий, а с другой – справедливость, громадность и энергию протеста, – останемся среди них безучастными и бездейственными? Акт «великого и святого» собора с проклятиями и угрозами истязаний повелевает мне креститься непременно тремя перстами. Но что если двуперстно слагать знамение креста научила меня дорогая мне мать, поясняя, что это слагание есть завет Церкви и предков, что, храня этот обряд, я чту их память и, сохраняя уважение к Церкви, привлекаю на себя благословение неба? Недаром ведь Бог еще в Ветхом Завете проглаголал: «Чти отца твоего и мать». Но можно ли чтить отца и мать и плевать на бабу и деда, на ближних и отдаленнейших предков, если учение их не отступало от учения Церкви. Это я говорю, входя в чувство каждой гражданки, дочери и матери. Теперь скажу как императрица. Основание государственности есть семья, крепость семьи, почтительная преданность родителям, крепость всей совокупности семьи, крепость государства, благоговейное отношение к памяти предков. Дозволим же ли мы кому-то ни было разрушить сию важнейшую из основ государственности, бросая грязью и огненные стрелы в верования, обычаи и в справедливый обряд предков? Преосвященные отцы! Вот вам мои два перста. Гг. сенаторы! Вот вам наше исповедание Распятого! Вот, я при всех вас этим двуперстием полагаю на себя знамение креста, полагаю твердо и истово, как крестились предки, как крестится теперь народный протест. Видели? Св. синод осмелится ли сказать, что я – еретичка, что я – раскольница, что я – противница Распятому и Его Церкви? Да, я противница, я презрительница, но только не Христа и Его Церкви, а ваших, св. синод, безрассудств и вашего, отцы архипастыри, достойного проклятий собора 13 мая. А будучи сама исповедницею Распятого, но презрительницей ваших и соборных, и синодских бредней, могу ли осуждать русский православный народ, осуждать старообрядчество, народный протест, который вы называете расколом? Гг. правительствующий сенат! Вот я во второй раз крещусь двуперстно и с сим после знаменем веры в Бога-Человека, с этим символом любви к Распятому, свидетельствую вам пред Господом-сердцеведцем, что не допущу, чтобы в империи, Всевышним Промыслом нам вверенной, продолжать невежество, чтобы наше царствование и наше имя в истории загрозили безобразиями их преосвященств. Крещусь в третий раз, в третий раз подтверждаю, что сие наше намерение будет нами исполнено, что не далее, как сегодня, и не позже, как в это заседание, русский православный народ получит полную свободу креста и обряда. Еще раз обращаюсь к вам, св. синод, уступите нам, уступите доброму, любезно верному нам русскому народу его родное, отечественное и любезное им двуперстие.

– Всемиловейшая государыня! – отвечает синод. – С благоговением выслушали мы твое исповедание, со смирением обличения в глубине своих совестей мы признаем и без

колебаний исповедуем святость двуперстия. Но здесь, в общем собрании, с сенатом мы обязаны рассуждать не только как пастыри, но как государственные деятели и администраторы. Прими во внимание, государыня, невежество и грубость русского народа. Ежели и может что его обуздывать, то это одна сила и страх. Какую же силу и какой страх может чувствовать народ к правительству, которое именем Бога и Его Церкви изреченные повеления обращает в ничто, повеления, которые честно и грозно содержал целый ряд правительств? Твоя воля и твоя власть. Но, великая государыня, мы, всероссийский синод, за себя и за всех архипастырей российской церкви – и настоящих, и будущих – дерзаем тебе сказать, что не примем участия в разрушении тобою православной церкви и собственного твоего престола.

– Слышите, гг. сенаторы! – к сенату обращает речь императрица. – По окончательному приговору архипастырей и церковь, и престол рушатся, если мы окажем справедливость нашему верному народу, окажем уважение к тому, что для него и есть, и искони было священо; ежели мы, даровав ему свободу креститься двумя перстами, почтим его предков, а почтив предков, удесатерим силу и крепость государства. По словам св. синода, и церкви, и престолу грозит разрушение, если мы будем управлять разумно, просвещенно, справедливо к человечеству. По св. синоду, и церковь, и престол крепки только насилием, проклятиями и смертельными казнями за слагание двух перстов и за молитву, и за именование в молитве Спасителя «Сыном Божиим» и т. д. Я могла бы продолжать бесконечно, но и наш язык, и ваш слух для нынешнего дня уже довольно натерпелись, теперь, гг. правительствующий сенат, извольте сказать нам ваше мнение.

– Всемиловейшая государыня! – отвечает сенат. – Сии три часа, в которые слух наш преисполнился слышанием твоих поистине боговдохновенных речей, и сей день, 15 сентября, впишется и на небесах, и в книгу жизни, и здесь, и на земле в сердцах твоего народа и его истории. А в объяснениях и воззрениях св. синода не находим ничего твердого и основательного. А потому ты поступишь как истинная мать Отечества, если всемиловейшим манифестом, помимо св. синода, объявишь российскому народу свободу креста и обряда, что ты уже обещала.

– Благодарю вас, правительствующий сенат, – отвечает государыня. – Благодарю за ваше решение: в нем выразилась и мудрость, и попечительность о благе народа, всегда вам свойственная. Но мы не принимаем вашего решения. Правда, как императрица, как прирожденная самодержавная представительница русского народа в делах его церкви и государства, как сам народ, мы и Богом, и народом облечены правом и властью устанавливать все для него полезное и освобождать его от всего ему несвойственного, и, прибавляю, принятием предлагаемой вами меры мы придали бы необычайный блеск и нашему царствованию и, что важнее, самому императорскому престолу. Но мы не желаем в глазах народа унижить св. синод, это – за неимением лучшего – высшее церковное учреждение, приняв не только помимо его, но и прямо вопреки ему, меру неизмеримо великой важности. Не желаем также положить на св. синод неизгладимого пятна в истории и, что считаем и того важнее, обнаружить пред очами иноземцев внутреннюю нашу неприглядность. У нас есть мера, которая не касается ни прав, ни убеждений св. синода, а между тем дает нам возможность исполнить сейчас данное нами обещание, – сегодня же дать верному нам русскому народу крестное слагание для крестного знамения, – обещание, которое мы торжественно и трикратно подтвердили знамением креста, и, как вы видели, не синодское слагание перстов, слагание, навязанное некогда русскому народу насилием, невежеством и изуверством, слагание, которое введено с проклятиями из проклятий, истязаниями и смертельными казнями. Народу, любезному нам русскому народу, не как невежественному и грубому, как думают о нем преосвященные отцы, дадим свободу обряда, в котором так сердечно и глубоко, как ни в одном из народов мира, развита вера во Христа и к престолу. Мера эта, гг. сенаторы, – отмена госу-

дарственной религии и полная свобода вероисповеданий. Секретарь, садитесь и пишите в этом смысле наш всемилостивейший манифест.

– Всемилостивейшая государыня! – бросившись на колена, возопили члены синода. – Что вы делаете? Вы разрушаете и церковь и престол!

– Что это за церковь? – возражает государыня. – Что это за церковь, которая только в покровительстве, только в мече императоров знает свое спасение и свою неделимость? Так вот, отцы, какова ваша церковь, а мы этого еще не знали! Не хочу быть в вашей церкви. Я знаю Церковь единую, соборную, апостольскую; знаю Церковь, в которой Господь Духом Своим Святым пребывает со Отцом и во веки пребудет, и которую не император мечем своим, а Господь Духом Своим сохраняет и во веки сохранит неодолимою от врат адовых. Да, сегодня я в отечественную церковь уверовала; уверовала, что Господь и ее, как члена церкви вселенской, охраняет, а теперь меня св. синод ставит на месте Христа и Святого Духа, от меня, от нашего императорского меча, как папства, надеется неодолимости своей церкви? Я сохраняю неодолимость церкви. Стало быть, я более, я выше, я сильнее церкви! Нашему сердцу чужда эта преступная суетность. Разве не довольно нам великой империи, чтобы благотворить человечеству. Зачем посягать нам на Церковь, на достояние Христово? Мало нам нашей империи? Христос даст нам Константинополь, быть может, и весь Восток, если мы сохраним верность Ему. Я сильнее церкви; но если так, то стало быть сама я вне этой церкви. Вам, преосвященные отцы, с вашей церковью хорошо за мной, за нашей спиной, за нашим императорским мечем, а нам-то каково? Как я-то, бедная, останусь без церкви? Гг. сенаторы, в какой церкви вы быть полагаете? В той ли, неодолимость которой охраняю я, или в той, которую охраняет Христос? Если в последней, то приглашаю вас вместе искать, где она. Мы имеем Церковь вселенскую, но непосредственно в ней быть нельзя, непременно должна быть посредствующая, каковою до сего дня была наша поместная, отечественная русская церковь! Но русская церковь разделяется на две церкви: старую и новую. Новая церковь, старая церковь, а между тем обе российские? Как эти слова странны ушам, разительны для сердца! О, Провидение! Озари ты наши умы и сердца в сей священный для нас час! О, Провидение! Благодарю Тебя! Гг. сенаторы! Я всегда всем сердцем веровала Провидению, и Провидение сейчас не оставило нас: оно показало нам церковь и церковь никак не новую, а, несомненно, старую и притом отечественную, хотя и не синодскую. Вы сейчас слышали от представителей отечественной церкви, что неодолимость ее охраняют государи своим императорским мечем. Но такую ли она была до учреждения синода? Такая ли вера принята была нами, русскими, сначала? Никак! Стало быть, теперешняя наша государственная церковь есть новая. Когда же, с какого момента она стала такою? Какая катастрофа и когда могла обрушиться на нашу древнюю церковь? Ужели такая громадная реформа могла совершиться без протеста, без борьбы, не оставив в истории после себя ни памяти, ни следа? Куда девалась древняя наша церковь, – церковь, которую мы получили из рук просветителя земли русской, которая не впадала в Христорство, ставя у себя царей вместо Христа, которая веровала во Христа, как в своего Главу и Охранителя, которая поэтому была истинным членом вселенской Церкви и, как член последней, и сама была причастницей неодолимости, обещанной Господом? Где же ныне, где ныне наша древняя святая Мать? О, Провидение! Благодарю Тебя, сугубо благодарю, нет, благодарю стократно, нет – тысячекратно, нет – до конца дней моих не перестану благодарить Тебя и помнить, что Ты в сей день и час ярким светом просветило меня! Гг. сенаторы! Постараемся припомнить, не найдем ли мы в прошедшем чего-нибудь похожего на искомую катастрофу, а по ней какого-нибудь следа или слуха о древней нашей Матери. Господа, внимание! Что такое наш раскол? Что такое старообрядчество? Припоминаю события и их последовательность. Русский православный народ искони крестился двуперстно. Не перечисляю других обрядов. Все это было прекрасно, все превосходно, богоугодно и спасительно. Нам не было надобности до обрядности греков, а

равно и грекам до нашей. Обе церкви, – и греческая и наша, – жили в мире и общении. Восточные отцы, епископы, митрополиты, патриархи, бывая у нас на Москве, прославляли благочестие Руси, сравнивая с солнцем, освещающим Вселенную. Но вот, с восшествия на патриарший престол Никона, начинают наезжать на Русь греческие и киевские отцы. Посыпались сначала «зазирания» и «осуждения» нашего до этого года для самих греков честного и святого двуперстия. За Никоном последовал собинный друг его, государь Алексей Михайлович. «Зазирания и осуждения» превратились в прямые запрещения. Затем последовали анафема и проклятия; за ними – «телесные озлобления» или истязания и, наконец, гражданские казни, т. е. смертельные казни. Что же это значит? Значит, что эти «зазирания» встретили в русском народе возражения и негодования, коими правительство и церковное, и – увы! – светское пренебрегло. Этого мало. Правительство перешло на сторону чужеземных агитаторов и авантюристов, правительство стало против своего народа и потребовало от него отречения от двуперстия и старого обряда, отречения от свободы, от своего достоинства, от предков, от благочестия и народности. Правительство в полном составе изменило Отечеству и этой измене потребовало от народа. Народ, разумеется, воспротивился, а правительство и при этом не усмиренномудрилось и свои требования поддержало церковными анафемами и проклятиями, на кои народный протест отвечал тем же, и справедливо. Ежели церковные анафемы и проклятия расточаются безрассудно, то они перестают быть святыми и церковными, а превращаются в ругательства. Если просвещенные и преосвященные архипастыри первые обратились к народу с ругательствами, то можно ли винить народ, если он отвечал тем же? Да и не обязаны ли были архипастыри за свое безрассудство получить должный урок? Правительству еще не поздно было одуматься, усмиренномудриться, воротиться назад, примириться с народным двуперстием и т. п. обрядами. Но не таковы были тогдашние времена: вместо исправления собственных ошибок, власть рассвирепела против протеста. От Никона и ждать иного было нельзя.

«Когда я ехал в Москву, – пишет в прощальном письме к царю Алексею Паисий Лигарид, митрополит газский, – то заранее восхищался тем, что увижу великого Никона, но, приехавши в первый раз и увидев его, то почел счастливыми тех, которые, родившись слепыми, не испытали несчастья видеть толикого зверообразного человека». Таков был Никон. Но не могу надивиться на царя Алексея Михайловича, надивиться его тупости, его бездушности и бессердечности. Никон и Алексей обрушились на народный протест истязаниями и смертельными казнями. Застонала русская земля от двух тиранов: «святейшего» и «тишайшего». И этот-то порядок, такие-то отношения обоих правительств к народу застаем мы по восшествии на всероссийский престол; на наших глазах преосвященные архипастыри продолжают свирепствовать, а раскол крепнет, несмотря на тиранию и ожесточения.

Отцы архипастыри! Куда вы завели, до чего вы довели и куда ведете вы свою отечественную церковь, российский православный народ и нас?

– Великая Государыня, – слышался голос со стороны синода, – истязания несколько не в наших руках, это не мы, а прежде бывшее правительства.

– Как? – возражает императрица. – А акт 15 мая 1722 г., разве не ваше дело? А телесные озлобления и гражданские казни, разве не вы освящали соборными определениями, и, государи, разве не по вашим внушениям и не по вашим усиленным настояниям ополчались против своего народа истязаниями и казнями? О, государи, и прежние, и будущие! Вот вам аттестат за ваше сообщничество с изуверами, палачами и злодеями! Но, гг. сенаторы, вот вопрос: благодать и истина Господня могут ли быть там, быть в той церкви, в которой стоят на месте святителей палачи и кровопийцы? Может ли быть Христос там, где свирепствуют толикие злодейства? Остановимся на минуту. И «зазирания и осуждения», и запрещения, и проклятия, все это было – и немыслимо, и безрассудно, и преступно; но все же еще борьба не выходила из пределов церковных. Но когда власти – и церковная, и светская, –

взялись за истязания и казни, тогда, очевидно, борьба вышла из пределов церковных, тогда власти стали вне церкви. Правда, за властями и собором волей-неволей пошло и большинство народа, все же прочь от церкви пошли; и это большинство – архипастыри и государи. Но куда мы денем протест, который не трогался с места и по этому одному заслуживает внимание и уважение. Истязаний и казней нет у Христа, не должно быть их и в Его Церкви. Христос на это не уполномочил апостолов и их преемников. Стало быть, за истязаниями и казнями архипастыри обратились не ко Христу, а к царю Алексею, приглашая его охранять впредь, на место Христа, неодолимость российской церкви, а Алексей имел слабость и безрассудство согласиться на это. И куда, куда уйдем мы от вопроса: где же, на которой из этих двух сторон остался Христос? На обеих он, разумеется, быть не может. Очевидно, на стороне протеста; как и зачем остался бы он в государственной церкви, когда и царь, и архипастыри с бесчестием вон из нее его выпроводили! Надеюсь, господа, что теперь вы ясно поняли, куда, почему и для чего мы намерены и сами идти, и вас приглашаем.

Но, гг. сенаторы! Догадываюсь о вашем смущении. Вам кажется, что, приглашая вас воротиться к старой Церкви, мы совращаем вас в раскол. Обязана объясниться. Всего сейчас сказанного нами о церкви не следует понимать буквально; церковью, в которой быть не хочу, называю я то представление, какое составили о церкви архипастыри. Мы же желаем той Церкви, какою она быть должна и какою быть ей требует народный протест; прямее и яснее, мы желали бы в нашей господственной церкви восстановить все то, без чего Церковь не может быть истинно Христовой, не может быть созидательницею государства и хранительницею престола; восстановить то, что у ней когда-то непременно было, то, что утрачено ею в несчастные для нее времена по безрассудству архипастырей и по зверонравности Никона, и по легковёрности и бессердечности Алексея Михайловича; но в обязанность вменяем себе ничего не скрывать от вас, гг. сенаторы, следовательно, не скрываю и других государей. Попробую разрешить эту, признаюсь, не малую для вас задачу. Мы в этом вопросе, так сказать, пойдем ощупью. Если бы нам, господа, нужно было восстановить какой-нибудь древний храм, лежащий в развалинах, засыпанный до половины мусором и густо заросший дикими растениями, то прежде всего нам следовало бы расчистить вход в этот храм, а затем, по мере расчистки от наростов, распознавать внутреннее устройство храма, назначение и размеры каждой его части и т. д. Мы так и сделали. Здание наше великой церкви (ибо о ней речь) мы освободили от векового мусора и от безобразивших ее пристроек и наростов в виде обрядовых запретов и клятв соборных, в Алексеевы годы произносимых, и далее в виде определений синода 15 мая 1722 года и целого ряда в этом направлении совершенных фактов и актов. Теперь, когда обозначился пред нами фасад этого здания, заглянем в его внутренность и постараемся по разным признакам догадаться, какова была у нас церковь до перестройщиков ее – Никона и Алексея, – носительница благодати и истины, народу учительница, государству собирательница, созидательница и объединительница, престолу крепость и слава. Сущность идей этой церкви было: сущная союзность и единость живая, деятельная и твердая. Чем этот сердечный союз был крепок? Правильностью отношений к народу государей и архипастырей, справедливостью, сердечной участностью к его нуждам, уважением к его народности и свободе, к свободе в церковном отношении, всей сполна и без уреза в государственном; по мере возможности, в частности, народ требовал от архипастырей благочестия и святости, от государей внимательного блюдения, чтобы гармония взаимно-свободных отношений в церкви между народом и архипастырями не нарушались.

Но вот настал Никон; признаюсь, личность, возбуждающая во мне отвращение. Счастливее бы была, если бы не слыхала об имени его. Он начал реформировать свою церковь, перестраивать ее по-своему. Какие же начала вложил он в основу своих перестроек? Безусловное подчинение народа духовенству, духовенства – архипастырям, архипастырей – патриархам. Подчинить себе пытался Никон и государя: он хотел сделаться папой. Порабо-

щение народа ясно сказывается в насильственном отнятии у него обряда его предков, подержанном клятвами, истязаниями и казнями; порабощение архипастырей – в незаконном единоличном низложении епископа коломенского Павл и глубочайшей тайной прикрытого умерщвления его; порабощение государей – внедрением в них убеждения, яко бы они обязаны мечем своим служить всевластительскому папе-патриарху, мечем смирять непокорение папе-патриарху народа и епископов. Что же вышло? Народ восстал за древнюю, под видом обряда Никоном окончательно разрушенную, апостольскую церковность, и за древнюю сердечную взаимно единость, основанную на вере, благочестии, любви и свободе. Восстал против соединения в лице патриарха обеих властей – и епископа, и царя. Никон внес смуту и разделения в отечественную мирную до него и целостно единую церковь. На одной стороне стали архипастыри со своими реформами и насилием, со своими триперстием и проклятиями, а с другой – народ с обычной всем народам инстинктивной склонностью охранять все унаследованное от предков, а прежде и паче всего свободу. Известный обряд, как и всякий предмет, даже обряд православный, богоугодный и спасительный, но в руках насильных и жестоких властей ставший поводом и орудием порабощения народа, становится ему ненавистным, как знамя и символ его порабощения. Входим в чувства народа, таковым для последнего должно быть и триперстие, навязанное нам греками при помощи проклятий, истязаний и смертельных казней. Для народа оно стало символом порабощения, для архипастырей – знаком его победы и торжества над народом. Ежели перенесемся на тот момент, когда совершались реформы и заглянем в совесть каждого из тех, кому пришлось отечественное двуперстие менять на указанное триперстие, то в большинстве увидим невежество, которое прямодушно поверило реформаторам, будто двуперстие есть обряд погрешительный, неправославный, небогоугодный и неспасительный, и благодушно последовало за правительством, затем – покорность из страха истязаний; то не похвально, а это уже совсем предосудительно. Теперь разберем, к которому из этих разрядов принадлежит предок каждого из нас, господина. Переменившим двуперстие на триперстие, во всяком случае не думаю, чтобы можно было каждому из нас гордиться его доблестью, и если при этом припомним, какая идея была соединяема со введением триперстия, то поймем и смысл, и правоту, и неодолимость, поймем родной протест и предупреждения против триперстия и неприязни его к тем, кого зовут «щепотниками». Наконец, Никон внес разлад и разделение между народом и престолом; до него государи были отцами своего народа, самодержавными охранителями православных на любви и свободе, на единности престола с народом в верности веры отцов, в верности обрядов и обычаев предков, основателей отношений государей к их народу. Никон из Алексея царя-отца сделал тирана и истязателя своего народа. И какого народа? Подобно которому по преданности к царю своему нет другого в мире. Что Алексей сделал из своего народа? Народ стал видеть в своих царях антихристов, и мы его не виним: народ подлинно испытал на себе руку последних. И для чего все это? Для чего Алексей изменил своему народу, изменил еще недавнему, еще памяtnому избранию народом отца его в царя Российской земли, изменил общим обязанностям всех царей? Чтобы угодить другу своему Никону, чтобы покорить под ноги его и иерархов, и духовенство, и народ, и затем чтобы из него и будущих патриархов создать врагов престолу и самодержавию. Удивляюсь царю Алексею, его недалекости: идет за Никоном, как провинившийся мальчишка за готовящимся его высечь учителем! Вот заслуга никоновской реформы пред престолом и самодержавием! Государство не могло и не должно терпеть над собой в пастырях второго великого государя, и первый, кто об этом догадался, был сын этого Алексея. Петр Великий заменил патриарха синодом. Может быть, мы этого не сделали бы, прямо говоря, ибо патриархи могли существовать; но государственная власть им не надлежит. Я бы этого не сделала. Но вот пред нами св. синод. Что же это за институт? Мы слышали сейчас, как

он нас, императрицу, ставит в своей церкви на место Христа, в нас, в нашем императорском мече уповая найти обещанную Христом неодолимость.

Поймите, св. синод еще не знает нас, не знает, в чем мы видим крепость и силу нашего царствования; еще не знает, как мы относимся к притязаниям некоторых государей, их императорским мечам. Св. синод еще не знает, как мы относимся к этому громадного значения деянию, образцового между царями, Алексея и к деланию вливающего в народный организм превратностей бездушного и бессердечного института. Св. синод еще не знает, как несвойственно нашему уму и сердцу, как мерзит нашей душе убивать в народе дух и жизнь, совесть, смысл и свободу. И вот он, синод, при первой встрече с нами уже спешит предложить нам быть его провидением и сохранять неодолимость. Чью неодолимость? Да старинных «зазираний», осуждений, истязаний и смертельных казней, и все это против двуперстия и тому подобных староотечественных обрядов, словом охранять неодолимость и старых, и нынешних нелепостей. Синод возводит нас в свое провидение, в провидение своей церкви! Так вот для каких услуг приглашает нас этот коллегиум. Но кто решится принять такой сюрприз? Чего же ждать церкви от этого лишенного жизни и мертвящего института, которому вручена вся власть царя; но об этом не сегодня.

«Вы, – говорит нам св. синод, – разрушаете церковь!» Гг. сенаторы! Мы только частью обозрели здание церкви, только частью уразумели, что такое церковь и что такое требуется от церкви великого народа, чтобы она подлинно была Церковью. Но вы уже догадываетесь, что наша отечественная церковь лежит в развалинах, если в церкви нашей что еще и осталось живого и берегущего ее жизнь, то это чуть ли не один народный протест. Ясно, что архипастыри сбивают нас с толку, страшая разрушением церкви, самими ими давно разрушенной.

«Вы, – говорит нам святейший синод, – разрушаете престол!» Но, господа, мы уже видели, какие услуги престолу оказало российское архипастырство со времени Никона, какую пропасть изрыло оно между престолом и народом. Все то, что в те времена было в русском народе лучшего, великодушного, живого, энергичного, все стало на сторону протеста. А последовавшие за Никоном государи обременили себя легковерием, а народ заставили видеть в них тиранов и, как сказали мы, – антихристов.

Господа! Для вас ясна правость протеста. Совесть сама говорит вам, что не новая, не синодская церковь, а народный протест остался на месте, что не протестующий народ, а архипастыри, пренебрегшие народным протестом, лишившие последнего своего общения, сами стали раскольниками, и что, наконец, все обвинения, возводимые на старообрядчество, все ложь, клевета, внушаемые злобою оскорбленной гордости архипастырей. Но вас, быть может, смущает мысль: если народный протест прав, то как же Христос покинул его, оставив без единого епископа и, следовательно, вне церкви, тогда как сторона смутников и раздорников, оставаясь с иерархией, имеют права носить имя церкви? Каким образом Господь, вопреки обещанию пребывать с верными ему, покинул подлинных носителей церковности и, следовательно, верных ему, истинных стоятелей за самую Церковь, и таким образом, как бы допустил врата ада одолеть? О, Провидение! Благодарю, благодарю, благодарю Тебя! Смущение ваше, гг. сенаторы, надеюсь разъяснить краткими словами. Оставив свой протест без епископа, Господь не покинул его. Во-первых, протесту он предоставил честь сохранить неодолимость своей невесты, российской церкви, нашей святой Матери. Не будь протеста, церковность русской церкви навсегда представила бы миру зрелище совершенных развалин, в которых ее ныне видим. Хотя церковность ее и распадалась, хотя и лежит в развалинах, но пока не убит, пока жив народный протест, никто не имеет права сказать, что церковь российская совершенно пала, совершенно перестала жить. Погрешила не она, не российская церковь, которая есть член святой апостольской Церкви, а согрешила одна ее иерархия. Во-вторых, вся иерархия пала, практически верным церковности остался один народ и даже только

часть народа. Поняли ли вы, господа, все значение, все достоинство, всю святость великого народного старостояния, громадность его заслуги перед нашей отечественною церковью и Церковью вселенскою? Да, народ простой, необразованный народ дает величайший урок в церковности своему архипастырству: последнее оказывается упрямым и злым; на протест сыплются проклятия, истязания и казни; а он, народ, – подивитесь, господа сенаторы, – стоит твердо, непоколебимо целые века! Зрелище, поражающее своим величием, зрелище, достойное не земли, а неба. Ад и Христос в нашей отечественной русской церкви стоят в открытой борьбе: за первым вся мощь, вся злоба, все козни мира в лице духовных правительств, в лице обманутых царей и архипастырей; за вторым – безмолвное терпение и терпеливое бессловие. Кто в этой борьбе одолеет? Я не была бы искренно верующею дочерью Церкви, я была бы недостойна великого народа русского, носящего имя святой Руси, если бы на минуту усомнилась в победе Христа, в победе народа, в победе протеста, в победе старообрядчества. О, Провидение! Пусть обманутые архипастырями цари с самими архипастырями удесятерят злобу и козни свои, пусть эта борьба, борьба между исконным злом и вечным добром, между адом и небом, продолжится еще на сто, еще на двести лет. Чем тягчее испытания, чем продолжительнее страдания, тем внушительнее победа, тем памятнее и поучительнее урок, тем блистательнее слова Христа, Церкви и протеста... Но только, гг. сенаторы, мы за себя ручаемся, что не будем орудием ада против любезно-верного нам народа, против голоса великой российской церкви, против Христа.

Поняли вы, наконец, гг. сенаторы, что значит решительность уйти из синодской исповедуемой казенной церкви и искать старую, что все вам показалось приглашением идти за нами в раскол? Это значит присоединиться к протесту, разумеется, присоединиться к протесту против разрушения задуманной союзности между народом, между престолом и архипастырями. Мы восстановим в нашей великой церкви все, что разрушено в ней в варварские, несправедливые насильственные времена, все, что разумеет мы в истинно древней Христовой и апостольской, православной католической церковности. Мы безвозвратно на все времена утверждаем право каждому верноподданному слагать персты для крестного знамения, как ему угодно, а каждой православной приходской общине употреблять в ее приходском храме тот из обрядов, который ей любезен. За каждой приходской общиной и епархией мы утверждаем право выбрать по сердцу пастыря, полагать на него обязанность наблюдать за исполнением требований, ответы за каждый его шаг, а в случае упорного уклонения от обязанностей удалять или смещать по своим приговорам. Только таких пастырей мы будем знать как истинных пастырей и подлинных представителей их общин и епархий.

Тогда-то, гг. сенаторы, нам можно будет управлять народом, Провидением, вверенным нам. Народная жизнь в начальных, элементарных ее проявлениях будет расти, цвести и приносить плоды сторицею под святым и животворящим пестунством Самого Христа и Его Церкви, которая тогда будет матерью и кормилицей и нянькой народа, а пастыри ее – и попечителями, и учителями, и судьями, и отцами. Тогда-то сердечный союз между народом и престолом, союз, указуемый самой натурой вещей, союз между Церковью и государством, Самим Господом заповеданный и благословляемый только в Российской империи, только между русским православным народом и его царями возможно осуществиться на радость небесам, на удивление миру и на страх нашим врагам!

– Великая государыня! – отвечают члены синода. – Сам Бог говорит твоими устами, преклоняемся пред верховностью твоих уроков. Содрогаемся последствий, но уступаем двуперстие твоей непреклонной воле. Твоя непреклонная решимость на крайние меры будет нам оправданием пред нашей совестью и церковью, и потомством. Но, государыня! Забудь, забудь о свободе исповеданий, забудь обо всем, что мы сегодня от тебя выслушали, дозвошь и нам забыть все это.

– Благодарю вас, преосвященные отцы! Со временем поймете, какую услугу церкви, государству и престолу оказали вы вашим согласием. На этот раз принимаю от вас для нашего народа одно двуперстие. Все остальное до времени оставляю на успех ваших совестей. Высоко держите свое знамя, свое дорогое 13 мая 1667 года. Мы желали бы, чтобы подвиги ваши в этом направлении, хотя по временам, делались нам известными; особенно занимает нас определение вашего собора о Иисусовой молитве. Уверяем вас, что каждый раз, как только будем слышать о подвигах ваших, веселость будет облетать до нас от кабинета и гостиной до самых прачечных. Но забыть сказанного нами не дозволяем. Напротив, гг. сенаторы! Прошу каждого из вас сохранить память о сегодняшней нашей конференции, чтобы нам самим напомнить о ней, если бы нам когда-нибудь, паче чаяния, изменила память. Секретарь, пишите:

«На общей конференции сената и синода 15-го сентября 1763 года определено (есть): тех, кои церкви Божией во всем повинуются (есть), в церковь Божию ходят (есть), отца духовного имеют (есть) и все обязанности христианские исполняют, а только двуперстным сложением крестятся (есть), таинства ея не лишать (есть), за раскольников не признавать (есть) и от двойного подушного оклада освобождать» (есть).

Публикуется по: Речь императрицы Екатерины Великой на общей конференции Синода и Сената. 15 сентября 1763 года. М., 1912.